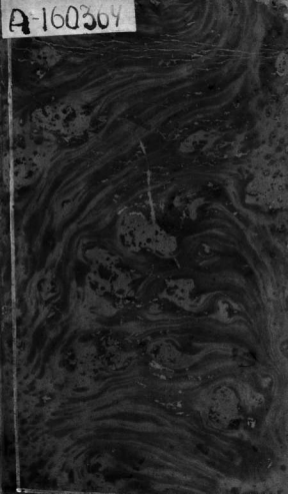


A-160304



**BIBLIOTHEQUE**

**DU**

**PRINCE E. LWOFF.**

Arm. 18

Ray. 5

N<sup>o</sup> 60

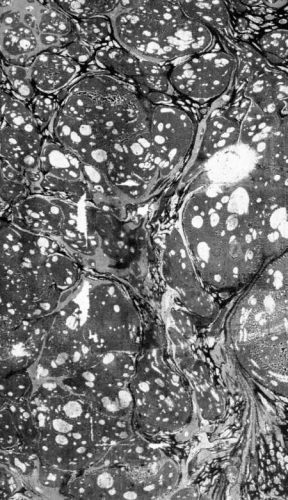
**БИБЛИОТЕКА**  
ИМПЕРАТОРСКОГО университета  
Св. Владимира.

БИБЛИОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА  
Дмитрія Гавриловича  
**БИБИКОВА,**

пожертвованная Университету  
его дочерью.

ГРАФИНЕЮ НАССИНИ  
въ 1898 г.

№ 1706.





✓

A-160364

~~ALYANT 90~~  
~~800 000~~  

---

100000

П О Э М Ы

Д Р Е В Н И Х Ъ

Б А Р Д О В Ъ.

---

переводъ А. Д. . . .

---

на ижд. н. б.

---

---

ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Ъ У Р Г Ъ,

съ дозв. укази. 1788 года.

V

Handwritten notes, possibly a signature or initials, including the letters "AS" at the bottom right.



---

---

## О П И С А Н І Е

*Октябрьской ночи въ  
Шотландіи.*

Пять Бардовъ собравшись въ одной хижинѣ, одинъ по другому воспѣвають различныя перемены въ Атмосферѣ.

*Первой Бардъ.*

Ночь пасмурна и печальна. Тучи простирающъ шемную завѣсу надъ холмами. Луны на небесахъ невидно. Ни единая звѣзда не блещетъ. Слухъ мой поражается невнятнымъ и смѣшаннымъ шумомъ вътрѣвъ раздающихся въ опдаленной роцѣ.

Испочникъ печально журчитъ въ долинь. Сова предвозвѣщница несчастій, произноситъ произительный крикъ, сидя на вершинѣ древа возросшаго близъ гробовъ усопшихъ. Я вижу призракъ въ долинь, се шѣнь единого рашника, когото нѣтъ уже на свѣшѣ: она разсыпается и исчезаетъ. По сему пути нѣкто понесетъ будешь во гробъ; сей призракъ начерталъ пушь ему.

Я слышу голосъ пса лающего въ опдаленной хижинѣ. Елень лежитъ на мхѣ растущемъ по горѣ; Еленица покоится возлѣ него; она услышала отзвъ въ шпроевъ раздающихся въ рогахъ ея! Я вижу, какъ она встревожась, вдругъ подѣмлетъ свою голову и приложитъ уши, окрестъ себя озирается; по томъ убрясь въ безопасности, пакитъ голову свою уклоняетъ. Дикая коза

спитъ въ разсѣлинѣ горы. Тешеревъ сокрылъ свою голову подъ крыло. Ни звѣрь ни птица невыходятъ на открытый воздухъ, кромѣ совы и лисицы: одна сидитъ уцѣплясь на изсохшемъ и обнаженномъ опшѣ лиственной древѣ, другая показывается окруженная лучами на вершинѣ горы.

Пушникъ, печаленъ, упомленъ, трепещущъ во мракѣ, сбился съ пути своего: онъ подався впередъ продираясь сквозь колючія кустарники, и съ безпокойнымъ духомъ слѣдуетъ внимая журчанію источника: онъ страшится, чтобъ не препнули пуши его горы или блашы; трепещетъ воображая ночные привидѣнія. Старое древо скрипитъ уклоняемое силою вѣтра; опшорженная вѣтвь производитъ шумъ упадая

на землю. Вѣтръ гонитъ предъ нимъ каша по дерну оцвѣтшій рѣпейникъ и вмѣстѣ сцепившійся. Онъ мнѣ слышашъ легкое спупаніе привидѣнія: окруженный мракомъ вздрогиваетъ онъ ужаса.

Ночь пасмурна, шумна, буреносна; вѣтры, привидѣнія, и мертвецы въ долинѣ. О други мои! пріймите меня и дайте мнѣ убѣжище.

### *Вторый Бардъ.*

Вѣтръ поднялся, идетъ дождь. Древа соударяясь съ ужаснымъ трескомъ ломаются. Буря прогоняетъ съ долины коня, козу и ревущую корову: обмокшія отъ дождя, они дрожатъ стоя подлѣ берега, которой обсыпаясь обрушается. Ручей наполняясь излишнею водою съ ве-

ликимъ шумомъ капашъ пѣня-  
щіяся свои воды. Пушникъ ис-  
пышаетъ бродъ: слышишь ли  
шы вошь? . . . Се онъ кончаетъ  
жизнь. Ловець въ уединенной  
хижинѣ вдругъ отрясаетъ сонъ  
отъ вѣждей своихъ; онъ возжи-  
гаетъ послѣднія искры ушуша-  
ющаго жару на очагѣ своемъ;  
его вѣрные псы обмоклые и ис-  
пускающіе отъ себя паръ,  
окрестъ его шолпяшся. Два  
ручья съ горы стремительно  
текущія, спускаются и съ шу-  
момъ соединяющъ свои воды  
подлѣ его хижины. Заблудив-  
шійся насухъ садится печа-  
лсивъ и задумчивъ, на скалѣ  
горы; онъ ожидаетъ возшествія  
луны, дабы освѣшила путь къ  
его жилищу.

И, увидѣннѣя носящая на крыль-  
яхъ бури, кажется, якобы слы-  
шны звуки слабого ихъ гласа

во время перемеженія дуновенія  
вѣтровъ: пѣсни ихъ, сушь пѣ-  
сни другаго свѣща.

Дождь пересталъ, сухой  
вѣтръ дуешъ, хладные капли  
упадающъ съ кровли хижины.  
Я вижу небо усѣяно звѣздами;  
но дождь паки собирается. За-  
падъ наполненъ тучами. Ночь  
бурна и ужасна. О други мои!  
укройте меня отъ нощи.

### *Третій Бардъ.*

Вѣтръ продолжаетъ реветъ  
въ развалинахъ горъ, и свистъ  
его слышенъ на поверхности  
холмовъ. Твердый кленъ упа-  
даешъ испоргниушый съ корнемъ  
изъ земли его питавшей. Соло-  
мою покрытая хижина опровер-  
жена. Тучи раздѣлясь на раз-  
ныя части носятся въ воздухъ,  
и время отъ времени открыва-

юшѣ блестящїе звѣзды. Тонкій огонь воздушный, предвѣстникъ смерти, летаетъ въ сгущенномъ мракѣ и останавливается на возвышенїи холма. При свѣтѣ его я вижу изсохшую траву, мрачный верхъ горы, опроверженный дубъ. Кто же сей, кошораго я вижу близь шумящаго ручья, окушавшагося въ свои одежды?

Волны гонимыя вѣтромъ одна за другою послѣдуютъ на озерѣ, и сильно ударяются въ ушѣсистой берегъ. Лодка опваливаетъ отъ проливнаго берега, весла прошивоборствуютъ вѣтромъ, тщетно усиливаются разсѣкать влагу. Юная пастушка сидитъ возлѣ ушѣсистой скалы, и простираетъ печальные взоры на шумящую воду. Ея любовникъ обѣщалъ къ ней возвратиться. При закатѣ солнца она видѣла

лодку его на озерѣ. О боги! не она ли теперь ударясь о берегъ разбилась? не его ли спенанія слышишь она прерываемые ревомъ вѣтра?

Послушайте, какой шумъ отъ падающаго града. Глыбы снѣжные тихо лешяшъ съ облаковъ. Вершины горъ одѣлись бѣлизною. Вѣтръ умолкаетъ. Ночь холодна и непостоянна. О други мои! укройте меня отъ ночи.

#### *Четвертый Бардъ.*

Ночь тиха и безоблачна. Звѣзды блистающъ на лазуревомъ сводѣ. Вѣтры съ тучами купно сокрылись и удалились за горы. Луна испускаетъ лучи свои на вершину горы. Древа освѣтились. Горы отражающъ свѣтъ ея, и блестящій ея образъ



изображается неподвижно въ водахъ спокойнаго озера, и кажется колеблющимся въ волнахъ текущаго источника.

Я вижу землю устланную обломками разшибенныхъ деревьевъ; класы размешанные по долинамъ, и шудомлюбиваго служителя, кошорой посвисывая, ихъ въ груду собираешъ.

Ночь тиха и прекрасна. Кого я зрю пришедшаго изъ обители мертвыхъ? я вижу привидѣнїе облеченное въ одежды бѣлѣйшія сѣнга, имѣющее руки подобныя алебастру, и черныя власы. Ахъ! се дщерь нашего вождя, кошорую смерть за нѣсколько дней предъ симъ похишила. Гряди, прелестная шѣнь, гряди, предстань очамъ нашимъ. Ты была ушѣшенїемъ Ироевъ. --- Но дыханїе вѣтровъ, шѣнь го-

нишѣ предѣ собою: она теряетъ свой образъ, и помалу измѣняясь превращается въ бѣлые пары проспирающіеся по холму. Прохладный вѣтрѣ разгоняешъ легкой шуманѣ покоящійся на долинѣ; онѣ возвышается до вѣршины холма; глава его касается облаковѣ и соединяется съ ними, такѣ что неудобно оку оплечишь его опѣ оныхѣ. Нощь шиха, небесный сводѣ пріялѣ цвѣтѣ лазури, звѣзды и луна его освѣщаютѣ. Други мои! укройте меня опѣ ноци.

### *Пятый Бардѣ.*

Нощь шиха, но тишина сія бурю угрожаетѣ. Луна возвышается надѣ шучею вечернею; блѣдный свѣтѣ ея, испускаетѣ колеблемыя лучи на холмѣ, который время опѣ времени становитѣся шемнѣе. Тамо слышенѣ

невнятный шумъ вдали разбивающихся волнъ. Пѣшельъ возбуждается, гласъ его возбуждаетъ ошъ сна жену пекущуюся о домоводствѣ. Ловецъ чая, что уже наступаетъ день, созываетъ вѣрныхъ псовъ своихъ, которые воспрянувъ ошъ сна, опряхиваются и спѣшатъ на гласъ его Онъ восходитъ на холмъ, свистъ его разносится по воздуху. Дуновеніе вѣтра опдаляетъ шучу. Звѣздная колесница полюса небеснаго, открывается очамъ его До зари еще долго. Онъ ложится на мхъ растущемъ по горѣ, и сномъ обремененная глава его уклоняется. Луна совсемъ сокрылась за холмъ; послѣднія лучи ея слабо озаряютъ вершину онаго. Густая тѣнь деревьевъ протяженіе свое усугубляетъ. Теперь повсюду темноша. Ночь мрачна, тиха и ужасна. О други мои!

пріймише меня и укройте отъ  
нощи.

*Начальникъ Бардэвъ.*

Что намъ до того, что шу-  
чи покояшся надъ холмами, что  
привидѣнія летаютъ въ долиниѣ,  
и пушниковъ въ содроганіе при-  
водятъ, что страшный ревъ въ-  
спровъ раздастся по роцѣ; что  
бури изъ нѣдръ вихрей из-  
ходятъ, что ручьи съ шу-  
момъ кашатъ свои волны, что  
воздушныя огни воспаменяютъ  
воздухъ, что блѣдная луна воз-  
вышается превыше горъ, или  
сокрываетъ чело свое въ обла-  
кахъ; пусть ночь будешь ши-  
ха или бурею ужасна. Лучъ ис-  
ходящій отъ востока прого-  
няетъ ночь. День пакы воспрі-  
явъ свою юность изъ мрака  
возраждается. Но мы, увы! изъ  
нѣдръ гробницы на свѣтъ опять  
не выйдемъ.

Гдѣ наши ратники вѣковъ прошедшихъ? гдѣ наши славные Цари? На тѣхъ поляхъ, гдѣ они прославились побѣдами, царствуетъ глубокая тишина. Гробы ихъ покрытые дерномъ, едва, едва уже существующъ. И мы такъ же, и мы вскорѣ будемъ забыты. Сей домъ, въ которомъ теперь гласы наши раздаются, разрушится; потомки наши не возмогутъ познать и мѣста, на коемъ онъ былъ воздвигнутъ. Они вопросятъ старцевъ древностию удрученныхъ: гдѣ возвышались стѣны черноголовъ обинаемыхъ нашими опцами.

Возвысьте всѣ свои гласы, и ударяйте въ Арфу; да хижина сія наполнится радостными пѣніями. Повѣсьте сно свѣшочей возженныхъ. Младые пасыри, юные пасушки, начинайте ваши пляски. Да будетъ при миѣ

престарѣлый Бардъ, и повѣсп-  
вуетъ о подвигахъ вѣковъ про-  
шкшихъ, дѣянїя Царей спрану  
ншу славою возвысившихъ, и  
всѣхъ ратниковъ, кои во мрач-  
ный гробъ ошъ насъ сокрылись.  
Сдѣлаемъ прїяшнымъ осшашокъ  
нощи, дондеже зря неосвѣ-  
титъ нашихъ чершоговъ. Тогда  
да будешъ лукъ въ вашей длани,  
псы и ловцы да будущъ гошovy,  
мы съ разсвѣтомъ дня взой-  
демъ на верхъ горы, и возбу-  
димъ усыпленныхъ еленей.

---

## О С С І Я Н Ъ.

Я былъ нѣкогда младъ: я  
любилъ отца моего, любилъ  
опасности и славу. Я лечу  
на помощь Крошару, другу моего  
родителя, и во время юности  
его бывшу клеветомъ ему въ  
сраженїяхъ. Но въ то время

преклонность лѣтъ дѣлала его способнымъ прошивостати сильному Рошмару, уже побѣдителю и готовящуся свершить его гибель.

Прибывъ къ жилищу старца, я нахожу его сѣдяща посредѣ оружіи праотцевъ его. Престарѣлость очи его всегдашнимъ мракомъ уже покрыла. Звукъ оружіи нашихъ коснулся его уха. Онъ усиливаешся восстати, просшираешъ трепещущую длань свою, прикасается ко мнѣ и познастъ сына Фингалова.

Оссіянъ, рекъ онъ, силы мои оскудѣли. потмо и нынѣ немогу я шакъ владѣти копіемъ, какъ въ шотъ день, когда я сражался возлѣ твоего родителя! онъ былъ первымъ между воинами; но и Крешаръ былъ некослѣдній. Оссіянъ! шаковъ ли ты силенъ,

какъ своей родитель? дай мнѣ руку. — Я повинуюсь его желанію. Руки его испытываютъ крѣпость мышцъ моихъ. — Сыне мой, онъ рекъ, и тяжкій вздохъ восколебалъ его перси; ... ты мужесивенъ, но нешаковъ какъ былъ твой родитель: и кто можешь быти ему равенъ?

Пріуготовляютъ пиршество: возглашаютъ пѣнія; но сія шумная радость шокмо заглушала вздохи кроющіяся во внутренности сердець. Пѣнія умолкли. Крошарь возвышаетъ гласъ: онъ вѣщаетъ мнѣ не проливая ни единыя слезы; но я зрѣлъ что онъ удерживалъ свои рыданія.

Оссіяиъ, вѣщалъ онъ мнѣ, ты невѣдаешь всѣхъ моихъ несчастій. Примѣшилъ ли ты сокрушеніе царствующее въ моемъ жилищѣ? Небылъ я печал-



денъ во время торжествъ мо-  
 ихъ, когда народъ мой былъ въ  
 цѣлости! Я былъ веселъ въ при-  
 существїи чужестранцевъ, ког-  
 да сынъ мой былъ возлѣ меня.  
 Увы! онъ погибъ сражаясь за  
 отца своего. Роммаръ позналъ,  
 что я слалъ немощенъ, и очи  
 мои мракомъ покрылись. Онъ  
 вооружается на меня, и ратни-  
 ковъ моихъ погубляетъ. Что  
 было мнѣ предпрїять? Коле-  
 блющимися стопами я проше-  
 каль мое жилище. Горестъ мною  
 овладѣла. Суетными желанїями  
 обращаю къ шѣмъ блажен-  
 нымъ днямъ моей юности, въ  
 которые изъ сраженїй исходилъ  
 я побѣдителемъ. — Сынъ мой  
 возвращается съ лозинвы. Онъ  
 былъ младъ; но сердце его бы-  
 ло великодушно, и огонь муже-  
 ства блисталъ во очахъ его.  
 Онъ зрѣтъ безпорядокъ, видитъ  
 отца блуждающа косными сто-

лами. Онъ въздыхаетъ: отче мой, вѣщаетъ миѢ, не слабость ли юности моей тебя огорчаетъ? Я уже извлекалъ мечъ, и шугій лукъ уже повинуюется моей силѢ: повели, и сражусь со врагомъ твоимъ. Возрѣвъ на тебя отче мой, я ощущаю въ себѢ невѣдомую до сего миѢ крѣпость, и храбрость моя воспламеняется. — Иди, сыне мой, я рекъ ему — онъ идетъ, сражается и умираетъ. Торжествующій врагъ идетъ къ моимъ чертогамъ. Убійца сына моего приближается ко миѢ . . . Не время теперь праздновать, я рекъ, взявъ копье мое. Рашники мои узрѣли огонь пылающій изъ очей моихъ и восплали. Всю ночь шли мы по горѢ. Уская и покрытая зеленью долина является предъ нашимъ взоромъ. Блескъ оружія открылъ намъ воинство Рошмарово. Мы на-

падаемъ на нихъ въ долину. Они бѣгутъ. Ромаръ падетъ отъ руки моей. Солнце еще далече отъ заката бывшу, я возвращаюсь къ Крошару, подношу ему доспѣхи врага его. Старецъ хочетъ осязати ихъ своими руками, и радость разливается по челу его.

Рапники собираются въ чертоги. Празднество наки начинается. Чаша побѣды отъ единого къ другому переходитъ. Пять Бардовъ выступаютъ на среду и воспѣваютьъ мнѣ похвальныя пѣсни. Огонь души ихъ оживотворялъ ихъ пѣсни, и десять арфъ звукомъ своимъ сопровождали ихъ гласы. Вся страна была въ радости. Возвращеніе мира разливало повсюду утѣхи. Ночь протекла спокойно, и наступила заря ненаруша тишины. Ни единое вражеское ко-

пїе не возблисшало во время мрака.

Я возвысилъ гласъ мой, дабы воспѣшь юнаго Форара падшаго въ сраженїи, въ то время какъ шѣло его предавали землѣ. Отецъ его былъ при томъ, но испустилъ ни единого вздоха. Рука его искала язвы сыновней; онъ находилъ ее въ сердцѣ. Радость блискаетъ на лицѣ его. Онъ подходитъ ко мнѣ и речешъ:

Поздравь меня Оссїяиъ: сынъ мой умеръ не безславно; онъ не обратилъ плещъ своихъ непрїамяю. Онъ встрѣшилъ смерть лицемъ къ лицу. Блаженны умирающїе въ юности, въ то время, когда еще молва имена ихъ повсюду возглашаетъ! они не зрѣли друзей своихъ лежащихъ во гробѣ. Они не ощутили ослабленїя

побѣдоносной своей десницы. Человѣкъ слабой и робкой не узришь ихъ старѣющимися въ ихъ чер-  
шюгахъ: не посмѣеши онъ видя  
дрожащія ихъ длани. Памяшь  
ихъ прославляется въ пѣсняхъ.  
Юныя дѣвы ихъ оплакивають.  
Но старцы поспешенно низхо-  
дять ко гробу: славные подвиги  
ихъ юности еще при жизни ихъ  
забыты. Они умирають и ни-  
кто вниманія къ тому не обра-  
щаетъ. Чада ихъ слабо о нихъ  
болѣзнуютъ, и камень должен-  
ствующій возвѣснить попом-  
ству имена ихъ, полагается не  
орошенный слезами. Конечно бла-  
женны умирающіе въ юности;  
въ то время они во всей славѣ  
своей низходятъ ко гробу!

---

## ЛЮБОВЬ и ДРУЖБА.

Тоскаръ и Дермидъ имѣли единое сердце, они вмѣстѣ пожинали лавры побѣдъ на поляхъ битвы. Дружба ихъ была шверда яко сшаль ихъ доспѣховъ, они сражались всегда единъ возлѣ другаго. Смерть имъ предшествовала. Сама любовь не могла разорвать ихъ союза.

Комала, кошорый отца они умершвили въ сраженіи, была молода и прекрасна. Оба ее узрѣли и влюбились: каждой любилъ ее равно съ своею славою. Они хотѣли или обладать ею или умереть; но сердце красавицы преклонилось къ Тоскару. Она возлюбила убійцу отца своего: забыла, что руки его обогрены кровію ея родителя.

Тоскаръ! рекъ Дермидъ, я люблю, я люблю сію красавицу,

и вѣдаю, что сердце ся преклонно кѣ единому тебѣ; но язвы моей ничто излѣчить не можетъ. Тоскаръ, на семъ мѣспѣ пронзи грудь мою. Тоскаръ, мой другъ, изцѣли меня мечемъ твоимъ.

Кто я, отвѣтствуетъ Тоскаръ: чинобъ мечъ мой обагрился кровію друга моего?

Тоскаръ, я сего желаю; и кто другой кромѣ тебя достоинъ пресѣчь нить жизни моей? низвошли меня во гробъ со славою; я немогу болѣе жить; должно сразиться. — Когда такъ, возми швой мечъ, и будь готовъ себя защищать, да умру и я съ тобою.

Они сражаются у подошвы горы; дернъ обагрется ихъ кровію. Дермидъ падешъ и уша

его ослабляются покрываясь  
мракомъ смерти.

Тоскаръ послѣ плачевной  
своей побѣды приходишь къ  
предмѣшу любви своей, хочешь  
сокрыть въ душѣ своей горестъ  
его снѣдающую; но Комала при-  
мѣчаетъ печаль его, и прину-  
ждаетъ открытъ оной причину.

Онъ хочетъ обольстить ее  
вымысломъ: я недоволенъ собою,  
вѣщаетъ ей, тамо подлѣ исто-  
чника я повѣсилъ на деревѣ  
щитъ храбраго Гомара убіен-  
наго мною: я хотѣлъ пробить  
его своими стрѣлами, но цѣлый  
день суешно трудился. Куда  
дѣвалось мое искусство.

И я хочу испытать свою  
силу, рекла Комала: руки мои  
напягиваешь лукъ умѣешь.



Они идутъ вмѣстѣ. То-  
скаръ спановишя позади щипа:  
Комала напрягаетъ лукъ; стрѣ-  
ла лешитъ и раздираетъ его  
перси. Щастливая рука, возо-  
пилъ онъ, благодарю тебя, мнѣ  
сладко умереть отъ твоихъ  
пораженій. Положи меня въ зем-  
лю подлѣ моего друга.

Я опмстила отца моего,  
рекла ему Комала: теперь  
смерть для меня пріятна. Я  
тебя любила. Она окончитъ  
мои мученія; при сихъ словахъ  
она прободаетъ себѣ грудь. Кра-  
савица, колеблется, падетъ и  
умираетъ.

---

## НЕЩАСТІЯ АРМИНОВЫ.

Вѣтры и дождь престали.  
Полдень шихъ и ясенъ. Тучи  
разсѣясь въ воздухъ лешаютъ.

Непостоянный лучь солнца пере-  
скакиваетъ по зелененымъ хол-  
мамъ съ одного на другой. Ис-  
точникъ съ горы текущій бы-  
стро спремивъ свои воды, и  
ниспекая въ долину съ легкимъ  
журчаніемъ по камешкамъ пере-  
бирается. Журчаніе его меня  
услаждаетъ. Но что за гласъ  
стократъ его пріяшнѣйшій  
прельщаетъ слухъ мой? се ты,  
Царь согласныхъ пѣній. Алпинъ,  
по что спенаешъ ты единъ  
сидя на холмѣ? звуки гласа  
твоего прискорбны.

### *Алпинъ.*

О Рино! я плачу о умершихъ:  
гласъ мой относишя къ оби-  
ташелямъ гробницъ. Ты крѣ-  
покъ; о юноша! ростъ твой  
величественъ; ты прекраснѣй-  
шій изъ всѣхъ чадъ здѣшняго  
селенія. Но придетъ время, въ

которое и ты падешь подобно Морару, и чувствительностию исполненный пухникъ возсядетъ на твою гробницу и ороситъ слезами прахъ ему не знакомой.

Храбрый Мораръ, коего мечъ блисталъ въ сраженіяхъ, яко молнія сверкающая въ долинь, коль тѣсно и мрачно твое жилище! прѣмя шагами я измѣряю пространство тебя заключающее, тебя бывша тогда великимъ! четыре камня обросшіе мхомъ суть единые признаки приводящіе тебя на память. О юный Мораръ! такъ истинно то, что нѣтъ тебя уже на свѣтѣ; ты не оставилъ матери, ты не оставилъ любовницы, которая бы тебя оплакивала.

Но кто сей старецъ грядущій къ намъ косвенными спо-

нами, и опирающійся на жезлъ? Лѣша убѣлили власы его: при каждомъ шагѣ колѣна его трепещутъ. Очи его изъясляютъ признаки изспекшихъ слезъ. Ахъ! се родитель Мораровъ. Плачь, несчастный отецъ, плачь; но сынъ твой спенаній твоихъ не услышитъ. Возглавѣе, на комъ глава его почѣетъ, лежишь глубоко подъ землею.

Прости на вѣкъ, храбрѣйшій изъ смертныхъ: поля битвы на себѣ не узрятъ тебя болѣе. Тѣнисыя роци не будутъ больше озаряемы блескомъ твоихъ доспѣховъ. Ты не оставилъ по себѣ сына, кошораго бы имя и подвиги привели тебя на память; но пѣсни мои извлекутъ тебя изъ глубины забвенія. Позднѣйшіе вѣки извѣстятся о твоей славѣ, и слухи ихъ будутъ внимать о Морарѣ.

Алпинъ скончалъ свое пѣніе, и горестъ возбуждалась въ сердцахъ внемлющихъ его пастырей. Но тяжчайшій вздохъ излетѣлъ отъ сердца Арминова. Образъ чадъ его въ цвѣтущей юности погибшихъ, представился его воображенію. Арминъ, рекъ ему Алпинъ, по что сей шяжкій вздохъ? Возмогутъ ли пѣсни мои шoliko пронуть швою чувствительность? Я хошѣлъ глазомъ моимъ шокмо влѣять нѣжную томность въ швою душу. По что сія мрачная печаль?

Такъ, я печаленъ, отвѣщиваетъ Арминъ, и причина скорби моей немаловажна. Алпинъ, ты не лишился сына швоего, ты не лишился дочери. Они живутъ, очи швои видятъ ихъ процвѣтающихъ. А я, послѣдній въ родѣ моемъ. Внемли повѣствованію моихъ несчастій.

О ночь свирѣлая! . . . возсанише вѣтры осенніе. Носишь страшнымъ ревомъ по мрачнымъ пустынямъ. Шумите, источники горные; и вы грозныя бури ломайте съ прескомъ вершины гордаго дуба. Луна! явись на раздѣляющихся шухахъ, то скройся, то паки предсавъ нашему взору унылой пивой образъ, и возобнови душѣ моеи шу ночь исполненную ужака, вѣ которую я лишился чадѣ моихъ, вѣ которую Ариндаль сынѣ мой погибѣ, вѣ которую Даура дщери моя угасла.

Армарѣ, знаменишый рапчикѣ, пришелѣ вѣ мое жилище, и старался снискашь любовь Дауры. Онѣ вскорѣ ее пріобрѣлъ. Они другѣ друга полюбили. Настало время къ ихъ соединенію. Други сей щастливой чешы предвѣщали имѣ благополучную судьбину.

Свирѣпый Ератгъ пришелъ возмутишь блаженство сихъ любовниковъ и имъ отца. Пылая злобою за смерть брата въ сраженіи убіеннаго Армаромъ, малодушный для мщенія прибѣгнулъ къ коварству. Онъ по чуждымъ одбѣянемъ приспаетъ къ берегамъ нашимъ, оставляешъ ладію свою на водѣ, и перодѣвшись подѣ видомъ старца приходитъ. Бѣлые волосы его, строгое и спокойное око, медлѣнная поступь удрученной старости, насъ обольстили. — Любеи достойная Даура, вѣщала онъ моей дочери: на склѣтѣ горы не весьма удаленной отъ моря, стонѣтъ древо обремененное прекрасными плодами. Подѣ нимъ Армаръ себя ожидаетъ: я пришелъ отъ него, и провожду къ нему его любезную.

Она ему послѣдуетъ. Вѣроломный высаживаетъ ее на каменистую гору опшсюда окруженную волнами, и по томъ спѣшишь достигнуть брега, извѣля радость свою наглымъ смѣхомъ. Нещасная, шрепещущая и оставленная одна, зовешъ Армара. Никшо не отказывается, лишь шолько эхо имя Армарово за нею повторяетъ. Она познаетъ свое нещасіе; возвышаетъ гласъ свой, зовешъ брата, зовешъ отца! Ариндаль! Арминъ! почто не спѣшите вы на помощь къ вашей возлюбленной Даурѣ?

Вопль ея преносится чрезъ волны, и достигаетъ до брега. Мой сынъ, первый его услышалъ. Онъ сходилъ съ горы, имѣя лукъ въ рукахъ, послѣдуемый вѣрными псами, и обремененъ корышми щасливой ловишвы. Зреть



онъ измѣнника утѣкающаго по берегу. Спѣшитъ къ нему, достигаетъ, схватываетъ, привязываетъ его къ твердому дубу, спягиваетъ чресла его крѣпкими узами, и оставляетъ его обременяшь въпры свирѣпымъ его рыканіемъ.

По томъ Ариндаль бѣжитъ ко берегу, садится въ ладію, спѣшитъ на помощь къ сестрѣ своей. О бѣдственное заблужденіе! приходишь Армаръ. Онъ видитъ сына моего плывущаго по волнамъ, и готоваго пристать ко берегу, гдѣ сестра его стенаетъ. Непознаетъ его во мракѣ. Пріемлетъ его за похищеннаго. Исполняясь ярости, пускаетъ стрѣлу. Она летитъ, и пронзаетъ сердце швое, о сыне мой: ты умираешь вмѣсто вѣроломнаго врага. Весло стало неподвижно. Судно съ трескомъ сокрушается.

Ариндаль изверженъ на камени-  
 сшый брегъ, и тамъ послѣднее  
 дыханіе испускаетъ. Какою го-  
 ресшю разтерзалось сердце  
 швое, о дщерь моя, видя кровь  
 брата твоего у ногъ твоихъ  
 текущую.

Наконецъ пришелъ и я ко  
 берегу, ужасомъ и древностію  
 удручаемый. Торжествующій Ар-  
 маръ, предпріавъ или спасши  
 свою возлюбленную или умереть,  
 бросился вплавъ. Но судьбина  
 намъ была вопреки. Вдругъ не-  
 бо помрачается грозными шу-  
 чами, выходящими изъ за горы,  
 и просширающимися надъ вол-  
 нами; море волнуется, кипитъ.  
 Армаръ щещно борется съ пѣ-  
 нящимися волнами. Силы его  
 ослабѣли. Онъ погрузился въ без-  
 дну, и очи мои его уже болѣе  
 не зрѣли.

Между шѣмъ воли дщери  
 моей оставшейся единой на ка-  
 миѣ, еще до слуха моего доспи-  
 гали, они съ ревомъ волиѣ мѣ-  
 шались. Тщешно я своими воп-  
 лями ей опвѣщивалъ. Отецъ  
 не могъ подать ей руки помо-  
 щи, всю ночь я проводилъ на  
 брегѣ, при слабомъ свѣшѣ луны  
 усматривая дщерь мою. Всю  
 ночь скорбный гласъ ея пора-  
 жалъ слухъ мой. Вѣтрѣ про-  
 должалъ свою суровость и силь-  
 ный дождь ударялъ въ гору.  
 Предъ восхожденіемъ денницы  
 гласъ ея началъ ослабѣвать, онъ  
 исчезалъ поспешенно, яко дыха-  
 ніе зѣфира исчезаетъ въ листвѣ  
 вѣяемъ древесныхъ. Наконецъ ис-  
 паевая отъ горести и труда  
 она испустила духъ свой. Она  
 оставила себя единаго, неща-  
 сный Арминъ! Увы! я лишил-  
 ся сына, шворившаго меня силь-  
 нымъ во бранехъ; я лишился

дщери прославившей меня у папшешекъ.

Со времени сей ужасной ночи, каждой разъ, какъ буря нисходитъ съ горъ, каждой разъ, какъ свирѣпый Аквилонъ воздымаетъ волны, я иду, сажусь на брегъ, пригвождаю взоры мои къ бѣдшвенному для меня камню. Часто при померцающемъ блескѣ заходящія луны, я мечтаю зрѣть шѣни чадъ моихъ проходящія и печально бесѣдующія между собою. Въ изступленіи моемъ, зову ихъ, но они гласу родителя не внимаютъ. Такъ, я печаленъ и причина скорби моеи немаловажна. Прошекайте надо мною, печальные годы; и послыку не приносите вы мнѣ ни радости ни утѣшенія, но отверзите мнѣ скорѣе гробницу.

## ЛАМОРЬ и ГИДАЛЛАНЪ.

ОшколѢ исходящѢ источникѢ лѢшѢ? гдѢ меша, къ которой они не оспанавливаясь стремящя? взоры мои хспашѢ проникнушѢ во глубину вѢковѢ прошедшихѢ; но я усмаприваю единый токмо слабый свѢшѢ, подобный тому, какой поверхность отдаленнаго озера возвращаешѢ луиѢ, слабые лучи свои на него устремляющей. ЗдѢсь, я зрю ужасныя опустошенія причиненныя войною. ТамѢ, я вижу слабое и униженное поколѢнїе преходящее вѢ безмолвіи, не ознаменующее своихѢ ни единымѢ знаменнымѢ подвигомѢ. Подайте миѢ мою Арфу: она возбудишѢ прошедшее, и возвратишѢ тѢла и виды ГероямѢ усопшимѢ. Я чувствую себя новымѢ свѢтомѢ озаренна и духѢ мой воспламе-

няется. Горю нетерпѣнѣмъ  
возвысишь гласъ мой, ходу  
восиѣшь гореснную кончину  
нещаснаго Гидаллана.

Фингаль не возмогъ болѣе  
снести его взора, съ того  
времени какъ неосторожность  
его приключила смерть его воз-  
любленной. Онъ изгналъ его  
онъ своего присутствія, исклю-  
чилъ изъ числа своихъ рани-  
ковъ, и повелѣлъ ему возвра-  
титься къ его родиселю.  
Юный Гидалланъ оставляетъ  
мѣсто битвы, равно какъ бы  
оставлялъ свое опечество. Онъ  
онъ ходитъ тихими стопами  
въ глубокомъ безмолвіи. Без-  
молвѣи и печалѣ блуждаетъ  
онъ по хребтамъ горъ. Оружіе  
его въ безпорядкѣ привѣшено  
около его пояса. Власы неудер-  
живаемые узами шлема вѣютъ  
по плечамъ его. Очи уклонены къ

земля, наполнены слезами; въ груди его спирались тяжкіе вздохи: сердце его вшайнѣ шерзалось.

Цѣлые три дни блуждалъ онъ, предавшись глубокой скорби. Наконецъ познаетъ онъ ручей протекающей поле обиталища его родителея, и тяжкій вздохъ излетѣлъ онъ сердцаго. Ощещъ его сидѣлъ единъ подъ тѣнью древяго дуба, онъ восклоняѣ главою на жезлъ, внималъ журчанію источника. Очи его помраченные д евностію дневнаго свѣта болѣе не ерѣми. Онъ переходилъ въ памяти своей, и слабо въ полголоса вослѣваѣ приключенія своей юности. Онъ помышлялъ тогда о сынѣ своемъ, во волѣ его предводящимъ его рашниками на войнѣ фингалевой. Онъ внемлетъ шуму, и познаетъ поступь сына своего.

Сына ли моего, рекъ онъ слышу я пришедша, или се тѣнь его мимо меня проходишь? О сыне мой! или ты погибъ на брани, и покинулъ престарѣлаго твоего родителя? Естли ешо ты, естли ты живъ еще, по что приходишь ты единъ? Гдѣ народъ мой? или народъ мой истребленъ? Ты имѣлъ обычай приводить его ко мнѣ шоржескую при звукѣ щитовъ.

Нѣтъ, отвѣщаетъ юноша испустя тяжкій вздохъ, рашники твои всѣ живы. Въ сей самый часъ они себя прославляютъ, но для сына твоего о отче мой, всѣ пуши ко славѣ вѣчно заградилась. Я осужденъ провождать дни мои здѣсь въ поносной праздности, въ шо время какъ другіе сражаются.

Увы! что слышу я, отвѣщиваетъ Ламоръ, предки твои



не приходили воспріймать успокоеніе, вѣшо время когда брань кипѣла. Возри на гробницу твоего прадѣда: онѣ никогда не обращалѣ плещѣ своихѣ непріятелю. О опче мой! что спалось съ твоею славою и моею, мой сынѣ бѣжалѣ съ сраженія?

Опче мой, отвѣтствуетѣ Гидалланѣ, почто огорчаешь душу мою? Никогда страхѣ опасности не касался сердца моего. Фингалѣ похищаетѣ у меня честь умереть сражаясь. Я есмь жертвою гнѣва его, воспламенившагося прошивѣ меня за его возлюбленную. Возвратись, вѣщаль онѣ мнѣ, взирая на меня раздраженнымѣ окомѣ, возвратись вѣ твои долины; иссохни не корнѣ твоимѣ, яко устарѣлое древо силою вѣтровѣ улоненное долу, да болѣе не возстанешѣ.

Что се, вѣщаетъ старецъ, въ то время какъ тысячи Героевъ ежедневно обогащаютъ себя прирастающею славою, ты долженъ будешь поминаться въ поносной праздности? О почтенная тѣнь моего родителя! введи, введи бѣднаго Ламора въ послѣднее его пристанище. Очи мои во мракъ, душа моя обременена горестію, и слава сына моего погибла.

Куда пойду я, возопилъ юноша, гдѣ обрѣшу я славу, дабы возвеселишь душу моего родителя? Невозвеселишь его, коснувшійся слуху его звукъ стрѣлъ моихъ во возвращеніи моемъ съ ловишвы.

И такъ, рекъ Ламоръ, пришла чреда и мнѣ погибнуть, яко сему дубу осязаемому моими руками, и обнаженному отъ листьевъ. Снѣ главою своею ка-

сая облаковъ; но корни его немогли укрѣпиться, швердый камень имъ прошивоборшвовалъ, и сила въшровъ удобно его опровергла. . . . О ночь покрывающая очи мои! благодарю тебя . . . ты воспрещаетъ миѣ узрѣшь сына . . . по томъ обратясь къ нему, рекъ, иди въ мое обиталище, тамо спѣны украшающа оружіемъ пращевъ нашихъ: принеси мечъ своего правды; онъ досталъ его отъ врага имъ побѣжденнаго.

Гидалланъ повинуется, приноситъ мечъ и вручаетъ его родителю. Заблуждающаяся сщарцева рука ищетъ острѣе меча, познаетъ и на немъ останавливается. — Сыне мой, проводи меня къ гробницѣ моего родителя. Я хочу тамъ себя успокоить; теперь насталъ полдень, и солнце жарко лучи свои на поля выпускаетъ.

Гидалланъ его препровождаетъ: они подходятъ къ гробницѣ. Ламоръ прободаетъ въ ребра сына своего. Они на мѣстѣ томъ вкупѣ почіуютъ, и и опустѣвшіе чертоги ихъ обрушась, развалинами своими покрываютъ берега испочника. Тамо къ полудню блуждаютъ привидѣнія и призраки; глубокое безмолвіе царствуетъ по всей долинѣ; люди спрашатся приблизиться къ сему спрашному мѣсту.

---

## МИНАВАНА.

Юная Минавана взошедъ на верхъ горы, низводила взоры свои на пространное море. Застѣбчивость и печаль по чредѣ являлись на лицѣ ея. Она зрѣтъ юныхъ ратниковъ возвращающихся покрытыхъ блестящими доспѣхами. О мой любезный, о

Рино, возвратился ли и ты съ ними? Печальные наши взоры открыли ей, что ея любезнаго уже нѣтъ болѣе.

Какъ! Рино погибъ въ долинахъ Аллунскихъ! Велика должна быть крѣпость въ десницѣ его сразившей? А я, увы! я оспалась безъ него.

Нѣтъ, я безъ него не оспанусь. О вѣтры возвѣвающіе власы мои, вздохи мои не долго будутъ соединяться съ вашимъ свиспомъ; я должна искать любезнаго Рино.

О мой возлюбленный, я не зрю тебя нынѣ возвращающагося съ ловишвы, исполненна крѣпостію и прелесшми юности. Нощныя мраки окружаютъ любовника Минаваны, и безмолвіе съ нимъ обитаетъ.

Гдѣ вѣрный пѣсѣ твоей? Гдѣ твоей лукъ? Гдѣ твоей мечъ подобный молніи сверкающей въ облакахъ? Гдѣ копіе твоее всегда обагренное кровію?

Увы! я вижу твои оружія въ безпорядкѣ складенные въ груды на кораблѣ твоёмъ. Я вижу ихъ дымящихся кровію. Ахъ! твою.

Когда гласъ деицы придетъ возбудитъ тебя, „восстань, юный ратникъ. Ловцы уже въ долину. Елень уже близъ твоего жилища . . . Удались прекрасная Аврора, удались. Рино, почтѣшь съ мертвыми. Онъ не внимлетъ твоему гласу. Елени играютъ на его могилѣ.

Но я тайно приду, о Царь мой, и тихо возьмю на ложъ твоего успокоенія. Минавана

шихо возляжешъ подлѣ возлюбленнаго ея покоющагося Рино.

Юныя мои подруги будущъ искашь меня, но не найдутъ: они воспѣвая пѣсни будущъ искашь слѣдовъ моихъ. Но я пѣнїя вашего уже не услышу, о подруги мои! я почю подлѣ Рино.

---

## НА Д П И С Ь

НА ПАМЯТНИКЪ МИРА,

*воздвигнутомъ двумя братьями.*

Любезный братъ, вотъ быстрый источникъ Каламонскій: сквозь густоту листвѣй я усматриваю теченїе сребровидныхъ волнъ его извивающихся по долинѣ. Онъ протекаетъ близко шѣхъ мѣстъ, которые украшаетъ собою прелестная Колна,

костей прекрасная грудь предъ  
 твоими взорами то возвышается,  
 то унижается, яко бѣлѣющая  
 пѣна на спокойномъ морѣ.  
 Да будущъ мѣста сіи шоль прі-  
 ятные любви, озарены славою.  
 Воздвигнемъ вмѣстѣ памятникъ  
 сохраняющій въ потомство побѣ-  
 ду нашего родителя. Се доли-  
 на, гдѣ онъ побѣдилъ враговъ  
 своихъ.

Приходимъ мы на сіе славное  
 поле. Ночь нязпускалась съ горъ.  
 Я возжигаю дубъ распуцкій на  
 холмѣ, при пѣніи Бардовъ слѣ-  
 дующихъ за нами, и беру ка-  
 мень отъ берега источника: онъ  
 былъ еще окропленъ кровію вра-  
 говъ нашихъ. Полагаю его на  
 холмѣ, изсѣкаю на немъ писме-  
 на, и повелѣваю ему вѣщать  
 будущимъ вѣкамъ:

„О камень, моими руками  
 „днесь положенный! пупникъ



„засшигнушый во время ноци  
 „бурею, почѣшъ подѣ кровомъ  
 „швоимъ. Во время сна его при  
 „бурномъ ударенїи вѣтровъ въ  
 „дериѣ тебя окружающїй, вре-  
 „мена прошекшіе возобновяшся  
 „въ его сновидѣнїяхъ. Образъ  
 „бишвы поразитъ взоры его.  
 „Мечшы представяшъ ему Иро-  
 „свѣ боевымъ строемъ сходя-  
 „щихъ въ долину. При первомъ  
 „свѣшѣ дня, исполнясь ужасомъ  
 „смущенныхъ сновидѣнїй онъ вос-  
 „трепетавъ возбудишся. Очи  
 „его отверзаясь узряшъ окрестъ  
 „его гробницы Ироевъ. Онъ во-  
 „проситъ здѣшнихъ старцевъ  
 „о памятникѣ нами воздвигну-  
 „томъ. Старцы рекушъ ему: „  
 онъ былъ воздвигнушъ рашни-  
 ками вѣковъ прошедшихъ.

Поблизости отшолѣ оби-  
 шалѣ Каррилѣ, давнїй другъ  
 нашего родителя. Онъ посыла-

ещѣ зваши насѣ на празднество: мы приходимѣ. Юноши, намѣ онѣ рекѣ, заключа вѣ свои объяснїя, вы приводите мнѣ на память то время, вѣ которое я ходилѣ сражаться со врагами на брега Сельмы. Я всшупилѣ побѣдителей на корабли мои; но во время ноцнаго мрака я съ пуши своего сбился. Я приспалѣ къ землямѣ вашего родителя. Онѣ прїялѣ меня великодушно, угощалѣ три дни вѣ своихъ чершогакѣ, и далѣ мнѣ вѣ дарѣ множество щиповѣ, которые и поднесѣ хранящя купно съ моими, и приводящѣ мнѣ на мысль юные мои лѣта. Достойные чада друга моего! послѣдуйте за мною.

Онѣ взялѣ единѣ изѣ своихъ щиповѣ и единѣ изѣ нашихъ, углубжаетѣ оба ихѣ вѣ землю, и полагаетѣ на нихѣ камень.

Когда брань, рекъ онъ, возгорится между нашими племенами, можешъ бышь мои попомки възрять на сей камень и рекушъ: не есть ли сей памятникъ мира и дружбы опцами нашими купно въздвигнушый?

---

## ЯВЛЕНІЕ ПРИВИДѢНІЯ.

Я медлѣнно восходилъ на холмъ. Шумъ вѣтровъ прерывалъ безмолвіе ночи. Серповидный образъ луны готовый низпустишся въ бездну, изливалъ единый шокмо багровый и слабый свѣшъ. Слухъ мой пораженъ былъ слабымъ и нестройнымъ гласомъ привидѣнїя. Окруженный ношнымъ мракомъ я извлекаю мечъ свой.

Тѣни опцевъ моихъ, возопилъ я, придите възвѣсшшшь мнѣ будущее. Придите нау-

читъ меня, како бесѣдуете вы въ глубокой вашей обители.

Треморъ приходитъ на гласъ сына своего. Туча его окружаетъ и поддерживастъ въ воздухѣ. Мечъ его составленъ изъ огня воздушнаго. Лице его мрачно и необразовано. Онъ приближается ко мнѣ; вѣщаетъ мнѣ о многомъ: но до слуха моего достигали единые шокмо неопдѣленные звоны, и слова невняшныя, подобныя шѣмъ, каковыя долженствовали произносить первые человѣки, прежде того времени, какъ пѣніе изобрѣло науку отдѣлять слова единое отъ другаго. Вскорѣ онъ нечувствительно исчезъ, яко исчезаетъ туманъ при восхожденіи солнца.

## МАЛВИНА

*Оплакивающая смерть Оскара,  
своего любовника.*

Такъ, сей былъ гласъ моего возлюбленнаго, слышимый мною во время нощи. Тѣнь его рѣдко мечтается мнѣ въ сновидѣнїяхъ. Исходъ Малвины приближился. Я слышала во сновидѣнїи моемъ гласъ возвѣщающій мнѣ близкую кончину. Я чувствую, что душа моя плаваетъ между жизнию и смертію. Почто сновидѣнїе мое такъ скоро исчезло? Малвина зрѣла своего возлюбленнаго. Воздушная риза его плавала возвѣваемая вѣтрами; лучи солнца озлащали края оной, они блистали въ очахъ моихъ яко злато иноплеменика.

Сыне Оссіяновъ, возлюбленный Оскаръ! ты вѣчно будешь

жить въ сердцѣ Малвины. Лишь озаряшъ первыя лучи солнца, вздохи въ груди моей спирающся, и какъ падешъ ночная роса на землю, мой плачь возобновляешся. Я процвѣшала въ швоемъ присутствіи яко юное древо; но смерть швоя подобная плешворному вѣшпру, помрачила юность мою. Глава моя уклонилаь. Весна паки возвратилась и благошворныя росы свои изливаешъ, но цвѣшпа юности моей не возобновила. Пасшущки видѣли меня во мрачной безмолвii сидящюю въ моихъ чершюгахъ. Они бряцали на своихъ арѣахъ, чтообъ возбудишь сердце мое къ веселію; но слезы по ланишамъ моимъ непрешавали кашишься. Они видѣли скорбь души моей, и рекли миѣ: почшо шолико упорешвусшъ въ швоей печани? или швой возлюбленный былъ прекрасенъ яко день?

*Оссіянъ отецъ Оскаровъ.*

О дщерь моя! пѣсни твои прельщаютъ слухъ мой; но раздражаютъ печаль твою. Пріятно огорченной душѣ быть въ уединеніи токмо съ своею печалію, и свободно ей предаваться. Но печаль снѣдаетъ жизнь человѣческую и сокращаетъ дни его. Ты погибаешь яко цвѣтъ сожигаемый полуденнымъ зноемъ, когда роса его оживляющая на немъ уже изсохла.

---

**О И Н А.**

Въ непостоянный день солнце выходитъ изъ за тучи и за другую паки скрывается, и тѣнь слѣдуетъ на долину за колеблющимся отраженіемъ лучей его; шако приключенія вѣковъ прошедшихъ переходятъ въ моихъ

мысляхъ, и предшавляющія по покровенные мракомъ, по озаренные свѣтозарнымъ блиспаніемъ. Изъ среды безмолвія ночи, нѣкій гласъ касается моего слуха, и возбуждаетъ душу мою. Се гласъ годовъ болѣе несущестствующихъ. Они вращаются предъ моими взорами, обремененные приключеніями въ нихъ совершившимися. Я пріемлю ихъ по мѣрѣ, какъ они въ памяти моей предшавляющія, и въ пѣсняхъ моихъ оживошворяю.

Малоръ былъ пришѣсненъ своими врагами и былъ близокъ къ паденію. Родитель мой отправилъ меня къ нему на помощь. Коль скоро Царь меня узрѣлъ, онъ пришекъ ко мнѣ во срѣщеніе и взявъ меня за руку, съ печальнымъ видомъ рекъ мнѣ: „почто племя Ироевъ при-, ходитъ на помощь къ неща-



„спному Царю, приближившему-  
 „ся къ паденію своему? Тормодъ  
 „узрѣлъ дочь мою, ея пѣнил-  
 „ся и требовалъ ошъ меня ее  
 „себѣ въ супруги. Я опринулъ  
 „его требованіе. Наши предки  
 „были врагами. Раздраженный  
 „моимъ отказомъ, онъ возвра-  
 „тился съ сильнымъ воинствомъ  
 „ошмстишь свою обиду. На-  
 „родъ мой палъ подъ его уда-  
 „рами. Какая причина заста-  
 „вляетъ тебя столь великоду-  
 „шно сострадать о моихъ не-  
 „щасіяхъ и приводишь тебя  
 „ко мнѣ на помощь? „

Родитель мой прислалъ ме-  
 ня, я ему ошвѣдствовалъ. Онъ  
 вспомнилъ о Морорѣ и о велико-  
 душіи его къ чужестраннымъ.  
 Нѣкогда свирѣпствующимъ мо-  
 ремъ онъ былъ изверженъ на  
 берега твои. Ты взялъ его въ  
 домъ свой и угостилъ человеко-

любиво. Днесь долгъ благодарности влагаешъ въ десницу мою мечь сей, коего крѣпость вскорѣ враги наши познаюшъ. Други наши находящїеся въ опасности никогда не бываюшъ спѣ насъ забвенны, коль бы ни великое пространство мѣстъ и морей насъ съ ними ни раздѣляло.

Великодушный другъ! много имѣлъ я ближнихъ мнѣ, кошорые участвововали со мною въ пирахъ моихъ; но нынѣ всѣ они забыли несчастнаго Малора. Я обошелъ весь островъ мой, устремлялъ взоры свои на моря, и не узрѣлъ ни единого корабля идущаго ко мнѣ на помощь. Теперь приближается ночь. Отрасль ироевъ, гряди въ чертоги мои, гряди услышати гласу дщери моей.

Мы вошли, во время ночи сидя въ безмолвіи я внималъ пѣнію прекрасныя Оины. При разсвѣтаніи дня, мы пошли сражаться. Я остался побѣдителемъ, плѣнилъ военачальника, и возложя на него узы, представилъ его Малору. Тормадъ стыдящійся своего униженія отворачивалъ взоры отъ Оины. Радость водворилась на островѣ, и празднества паки начались.

Сыне Фингалевъ, рекъ мнѣ старецъ, ты не возвратишься въ домъ твой безъ награды. Ты спасъ отца. Я вручаю тебѣ дочь. Она пойдетъ на корабль твой. Присущствіе ея возвеселитъ сердце твое во время пуши.

Во ожиданіи свѣта утренняя я препроводилъ ночь въ чертогахъ. Утомясь трудами пріоб-

рѣшенной побѣды, я наслаждался сномъ, какъ иѣкій пріятный и скорбный гласъ прервавъ сонъ мой внушилъ мнѣ сіи изреченія.

„ Тебя, несчастный любов-  
 „ никъ, тебя видяшъ очи мои  
 „ печальна и упоающа въ сле-  
 „ захъ на верху сего камня.  
 „ Суешно взоры твои ко мѣ  
 „ обращающа влачимые по мо-  
 „ рамъ: твоя несчастная любов-  
 „ ница уже разлучена съ тобою.  
 „ Она пойдешъ въ страны ей  
 „ незнакомые. Нынѣ я посреде  
 „ множества Ироевъ; но при-  
 „ сущствіе ихъ неуслаждаетъ  
 „ моихъ горестей. Ахъ! Тор-  
 „ мадъ, почто опцы наши бы-  
 „ ли врагами? „

Нѣшъ, рекъ я самъ въ себѣ,  
 иѣшъ прекрасная Оина, не пойдешъ ты свншашъ по стра-

намъ тебѣ знакомымъ. Въ сердцѣ Оссеяновомъ есть нѣкій гласъ, повелѣвающей ему, внимашь несчастному въ день скорби его; и ты не будешь разлучена съ своимъ любезнымъ.

При восходѣ зари я освободилъ ошъ оковъ Тормада, и возвратилъ его любезной при очахъ ея родишеля; „почто Тормадъ, „вѣщалъ я Малору, будешь шер- „заться во всѣ дни жишя „его? Правда, что предки ваши „были врагами; но шеперь вра- „жда ихъ пресѣклась, и они спо- „койно лежатъ во гробѣ. По- „чтенные ратники, предайте „равенію вашу злобу: она есть „мрачная туча долженствующая „исчезнуть купно съ прошед- „шими вѣками., Малоръ согла- сился на прозьбу мою, и миръ соединилъ двухъ любящихся. Побѣжденный искренно облобызалъ

своего побѣдителя, и я опшелъ  
покрышъ славою, и наслаждаясь  
неизреченнымъ удовольствіемъ  
содѣлавъ двоихъ щасливыми.

К О Н Е Ц Ъ .













20 -

